

Μεταβολή или transsubstantiatio?

Одной из актуальных тем современного межхристианского диалога является вопрос о характере тех изменений, которые происходят с Евхаристическими Дарами после их освящения. Не говоря о различии учений по данному вопросу в католицизме и протестантизме, сейчас хочется обратить внимание на специфику православного понимания. Оно, как известно, выражено литургическим термином «metabol»» (преложение) - в отличие от католического «transsubstantiatio» (пресуществление). За этими понятиями стоят два принципиально различных воззрения. Важно при этом заметить, что если *μεταβολή* является изначальным в литургическом Предании Церкви, то *пресуществление* - учение новое, неизвестное Церкви в течение почти полутора тысяч лет ее существования.

Восточные и западные Отцы Церкви эпохи Вселенских соборов, за редкими исключениями, не углублялись в вопрос, что и как происходит с природой хлеба и вина в Евхаристии. Они просто верили, что святые Дары становятся истинным Телом и Кровью Христовыми. Первые попытки рационально объяснить, что происходит с Евхаристическими Дарами, находим лишь в IX веке в богословском трактате западного теолога Пасхазия Радберта (9 в.) "Liber de corpore et sanguine Domini" ("Книга о теле и крови Господних"). В этом сочинении Пасхазий утверждал, что после освящения хлеб и вино исчезают и появляются Плоть и Кровь Христовы, хотя мы их и воспринимаем по прежнему в образе хлеба и вина. Справедливости ради следует заметить, что учение Пасхазия в Западной Церкви было принято далеко не сразу. И само слово transsubstantiatio впервые было употреблено, по-видимому, Бандинелли (будущий папа Александр III) ок. 1153 г.

Основную идею этого нового учения четко выразил Фома Аквинский: *"Нет никакого иного способа, через который Тело Христово могло бы появиться в таинстве, кроме превращения хлеба в Тело. Итак, если что-то произошло через превращение, это уже не то, чем оно было до этого. Действительность Тела Христового в таинстве требует, чтобы вещества хлеба уже не было после освящения"*¹. Такое понимание изменения, происходящего с Евхаристическими Дарами, было догматизировано на Тридентском соборе, который определил, что *"через благословение хлеба и вина сущность хлеба целиком изменяется в сущность плоти Христовой, а сущность вина в сущность Его крови"*. И хотя в западном богословии на протяжении всего Средневековья можно было видеть не мало эпизодов сопротивления идее пресуществления (Ратрамн Корбийский, Беренгарий Турский, Иоанн Дунс Скот, Иоанн Парижский, Джон Виклеф и др.), особенно в эпоху Реформации, однако основная ее мысль - исчезновение сущности хлеба и вина и появление сущности Тела Христа, в католическом богословии осталась неизменной².

¹ Тридентский Собор, 8езн. XIII, сар. 4. Цит. по: Яннарас Х., Вера Церкви. М., 1992, с. 188.

² См. Eucharist (as sacrament). New catholic encyclopedia. 1967. S. 599-615.

Православными богословами термин *transsubstantiatio-metous...wsix* в применении к Евхаристии впервые употребляется лишь в 15 веке патриархом Константинопольским Геннадием Схоларием – поклонником Аристотеля и Фомы Аквинского, и епископом Никейским Виссарионом, участником Флорентийского Собора 1438–1439 гг., ставшего кардиналом Римской Церкви³. В последующие полтора столетия на православном Востоке у них не нашлось последователей. Только в конце XVI века в трудах некоторых греческих богословов, получивших образование на Западе появляется слово *transsubstantiatio- metous...wsix*. Но даже в документах соборов 1639 и 1642 годов, специально посвященных Евхаристии, этот термин не встречается.

Термин *transsubstantiatio-пресуществление* вновь появляется в Исповедании православной веры Киевского митрополита Петра Могилы (17 в.), у которого прямо говорится о превращении хлеба в Тело и даже – о «*невареном мясе*»⁴, и в Послании восточных патриархов⁵. Однако термина *transsubstantiatio-пресуществление* еще нет в русских катехизисах митрополитов Платона и Филарета (первой редакции 1823-24 гг.). Он был добавлен в филаретовский катехизис лишь в третьей редакции в 1839 году под давлением обер-прокурора Синода. И, как пишет архиепископ Василий (Кривошеин), – «*можно только жалеть о внесении в Катехизис этого чуждого православному преданию схоластического термина*»⁶.

Действительно, если вместо т.н. сущности хлеба возникает сущность Тела Христова - не мнимость Тела, а Сам реальный Христос, следовательно, и священнослужитель за литургией раздробляет ...именно Его для причащения (по Фоме Аквинскому, «*убивает, закаляет Христа*» - *immolatio Christi*). И лишь

³ Этот термин встречается в так называемом Исповедании Михаила Палеолога, которое, однако, было написано не самим императором, а подготовлено для него латинскими богословами, как согласительный документ для предстоящей Лионской унии.

⁴ «*поелику человеческая природа отвращается от ядения невареного мяса, а между тем надобно было, чтобы чрез принятие Тела и Крови Христовой человек соединился со Христом: то, чтобы гнушающийся такую яствою человек не отвергнул сего соединения, Бог, по снисхождению Своему, собственную Плоть и Кровь Свою дает верующим в пищу и питье, под прикрытием хлеба и вина*» (Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной. Вопрос 107 // *Догматические послания православных иерархов XVII-XIX веков о православной вере*. ТСА, 1995. С. 71).

⁵ В русском переводе Послания эти термины опущены и *пресуществление* объясняется в смысле таинственного *преложения*.

⁶ Василий (Кривошеин), архиеп. *Символические тексты в Православной Церкви*. Б. т., 2003. С. 69. Но с

этого времени термин «пресуществление» стал широко входить в богословскую школьную терминологию в Русской Церкви, однако с постоянным подчеркиванием, что «*хлеб и вино предлагаются, или пресуществляются*» (Пространный христианский катехизис. О причащении. М. 1884. С. 89).

естественным стремлением как-то смягчить этот вывод, концепция пресуществления вводит в своё построение еще одно «чудо»: Бог в Евхаристии вместо подлежащего теперь Христа сохраняет, оказывается, для верующих т.н. акциденции хлеба и вина. Однако какие основания для веры в то, что **такое** чудо действительно совершается? Ведь это никак не вытекает ни из природы сотворенных вещей, ни из каких-либо указаний Откровения, ни из наследия Отцов. Более того, святитель Василий Великий говорит об обратном: *"Не [нужно] тратить времени на умствования, исследуя само подлежащее, не доискиваться какого-то естества, которое лишено качеств и само в себе взятое бескачественно, но твердо помнить, что все свойства, усматриваемые в земле, будучи восполнением сущности, входят в понятие бытия. Покусившись отвлечь разумом от земли каждое из находящихся в ней качеств, придешь ни к чему (к ничто). Ибо если отнимешь черноту, холодность, тяжесть, густоту, качества земли, действующие на вкус или и другие, какие в ней усматриваются [свойства], то подлежащим окажется ничто"*⁷. Поэтому идея замены сущности вещи без изменения ее акциденций является не более как чисто отвлеченным предположением, не имеющим под собой никаких оснований.

Отсюда становится понятным и то, почему целый ряд известных православных богословов выразил негативное отношение к учению о пресуществлении. Кроме упомянутого архиепископа Василия, можно назвать такие имена, как: патриарх Сергей (Страгородский), митр. Иоанн (Зизиулас), архиеп. Филарет Черниговский, архим. Киприан (Керн), прот. Сергей Булгаков, прот. Василий Зеньковский, прот. Георгий Флоровский, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Ливерий Воронов, прот. Николай Афанасьев, прот. Александр Шмеман, прот. Виталий Боровой, проф. Н.Д. Успенский, проф. Х. Яннарас, А. С. Хомяков, Павел Евдокимов и др. Никто из них при этом не сомневался, что Евхаристические Дары после призывания Святого Духа становятся истинными Телом и Кровью Христовыми. В то же время они, как и святые Отцы, никогда не говорили об **исчезновении** сущности хлеба и вина в Евхаристии, никогда не писали о каком-либо их превещении. А многие Отцы и объясняли, как они понимают истинное Тело Христово в Евхаристии.

Приведу несколько их высказываний.

Макарий Египетский: *«Но мы не должны, братья, мыслить это телесно и вещественно, как многие ученики, слыша слово это, соблазнились, «говоря: “Как может Он плоть Свою дать нам есть?» (Ин. 6, 52). Ведь истинная плоть жизни, которую вкушают христиане, и кровь, которую пьют, есть Слово Его и Дух Святой, и вселяется в Евхаристии Хлеба, и освящает словом и силой духовной, и становится Телом и Кровью Христовой. «И все, – говорит апостол, – одним Духом напоены» (1 Кор. 12, 13), как и Господь сказал мыслящим сие телесно: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (ср. Ин. 6, 63). Итак, это Слово изменяет и пременяет природу тварей, как хочет»⁸. Преподобный Макарий, как видим, осуждает мыслящих о*

⁷ Василий Великий, св. Беседы на Шестоднев. Творения. - М., 1845. - Ч. 1. - С. 14.

⁸ Слово 26, § 3,4 по изд. «Индрик». М. 2002.

Евхаристии телесно и вещественно, думающих о каких-то материальных в ней превращениях, и подчеркивает духовное пременение природы тварей.

Иоанн Златоуст в послании к Кесарию: «Как хлеб, прежде нежели освятится, мы называем хлебом; когда же Божественная благодать освятит его чрез посредство священника, то он уже не называется хлебом, но достойно называется Телом Господним, хотя естество хлеба – фисис (f̄bsiz) – в нем остается, и не двумя телами, но одним Телом Сына мы называем его, так и здесь, по внедрении Божественного естества в тело, то и другое вместе составили одного Сына, одно Лицо, при нераздельности в то же время неслитно познаваемое – не в одном только естестве, но в двух совершенных»⁹. Важно заметить, что ни один из восточных Отцов, цитировавших это послание (Леонтий Иерусалимский, Анастасий Пресвитер, ученик преп. Максима Исповедника, Иоанн Дамаскин, Никифор патриарх Константинопольский), никогда не подвергал сомнению его вероучительную истинность.

Иоанн Дамаскин: «И подобно тому как в крещении,- потому что у людей в обычае мыться водой и натирать себе тело маслом, - Он сочетал с елеем и водою благодать Духа и сделал его [т.е. крещение] банею пакибытия, так и потому, что у людей существует обычай есть хлеб и пить воду и вино, Он сочетал с ними Свое Божество и сделал их Своими - телом и кровью для того, чтобы чрез то, что обычно и согласно с естеством, мы оказались среди того, что выше естества»¹⁰.

Иоанн Дамаскин: "Исаия увидел уголь, но уголь - не простое дерево, а соединенное с огнем, так и хлеб общения - не простой хлеб, но соединенный с Божеством; тело же, соединенное с Божеством, не одно естество, но одно, конечно, принадлежит телу, другое же - соединенному с ним Божеству. Поэтому то и другое вместе - не одно естество, но два"¹¹.

Симеон Новый Богослов: «Если ядущие Его Плоть и пьющие Его Кровь имеют жизнь вечную... мы же, [если] вкушая их, не чувствуем, что в нас происходит что-то большее, чем [при вкушении] чувственной пищи, и не принимаем в сознании иную жизнь, значит, мы приобщились простого хлеба, а не одновременно Бога»¹².

Григорий Палама: «Сей хлеб является как бы некоей завесой скрытого внутри Божества»¹³.

Эти Отцы (и многие другие), как и указанные архиереи и богословы, высказывают одну и ту же мысль: Евхаристия это не магическая тайна превращения некоей таинственной сущности хлеба и вина в сущность натурального Тела и Крови, но неслитное и неизменное восприятие святых Даров Богом Словом воплощенным, в силу чего хлеб и вино Евхаристии, **не теряя** своих

⁹ Творения. Т. 3. СПб. 1897, с. 815.

¹⁰ Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение Православной веры. 4;13. С. 222. СПб., 1894.

¹¹ Там же. С. 223-224.

¹² Слова богословские и нравственные (Eth. 10, 760-764). Цит. по: Иларион (Алфеев), игум. Преподобный Симеон Новый Богослов и Православное Предание. СПб., 2001. С. 134.

¹³ Св. Григорий Палама. Беседы. Т. 3. – Пер. архим. Амвросия Погодина. – М., 1993. С. 160.

естественных свойств, **не изменяя** своей физической сущности, **приобретают** все богоспасительные свойства Тела Христова, и **потому** в каждой Евхаристии, в каждой своей частице являются Его истинными Телом и Кровью.

В Святых Дарах, как и во Христе Иисусе, присутствуют те же две природы: Божественная и тварная, средоточием которой является человек. Евхаристический Хлеб именуется истинным Телом, поскольку по причастности Богу Слову хлеб и Тело тождественны, а по материальной природе **единосущны**.

О единосущии тела человеческого (и Тела Христова) со всем творением (и с хлебом) святые Отцы говорят с полной определенностью.

Афанасий Великий: «Дух Святой... отличен от единства тварного бытия»¹⁴.

Афанасий Великий: «Тело [Христово], поелику имело Оно **общую со всеми телами сущность** и было телом человеческим...»¹⁵.

Григорий Нисский: «И явившийся Бог для того соединился с бранным естеством, чтобы общением с Божеством обожилось человечество, (и) поэтому по домостроительству благодати посредством **плоти, которая состоит из вина и хлеба**, (Он) сообщает Себя всем уверовавшим, срастворяясь с телами их, чтобы единением с бессмертным и человек соделался причастником нетления»¹⁶.

Анастасий Синаит: «Ведь человек отличается от бессловесных [тварей] своими мыслящим, разумным, желающим и волящим [началами], тогда как во всем прочем и, особенно по своим телесным [свойствам], он причастен, подобен и **единосущен** этим [тварям]. Ибо они суть из той же самой земли, из которой было создано и наше тело»¹⁷.

Византийский экзегет **Евфимий Зигабен** писал о Святых Дарах: «Смотри, как из естественных они становятся сверхъестественными. Естественны вкушение предлагаемого хлеба и питье вина, а сверхъестественны их действительность и сила»¹⁸.

Должно отметить, что и в Воплощении, и в Евхаристии действующей силой единения твари с Творцом является Дух Святой. И как в Воплощении человеческая природа соединилась с Сыном неслитно, **неизменно**, нераздельно и неразлучно, так и Хлеб Евхаристии воспринимается Богом Словом в то же самое единение с Собой. Но это восприятие Евхаристических Даров не новое Боговоплощение, а лишь процесс осуществления конечной его цели – полного обожения всей твари (Рим. 8, 21). Ибо в Воплощении «творческое Слово Божие, соединившись с человеческим естеством, соединилось тем самым со всем творением»¹⁹, положив тем самым начало тому совершенному их единению, когда «будет Бог

¹⁴ Афанасий Великий. Творения. Т. III. С-Посад. 1903. С.36-40.

¹⁵ Там же. О воплощении Бога Слова. Т. I. §20.

¹⁶ Большое огласительное слово, 37.

¹⁷ Третье Слово, или Слово против монофелитов, 4. Цит. по: Преп. Анастасий Синаит. Три слова об устройении человека по образу и по подобию Божию. Пер. А. И. Сидорова. – Альфа и Омега. № 2 (20). М., 1999. С. 130.

¹⁸ Толкование на Мф. 26, 26 // Толкование Евангелия от Матфея и толкование Евангелия от Иоанна, составленное по древним святоотеческим толкованиям византийским, XII века ученым монахом Евфимием Зигабеном. – Перевод с греческого. – СПб., 2000. С. 325.

¹⁹ Иоанн Дамаскин, прп. Слово на Рождество Пресвятой Богородицы.

все во всем» (1 Кор. 15, 28). Христиане, причащаясь, становятся *сотелесными Христу, единокровными Ему* (св. Кирилл Александрийский). и **без изменения материальной сущности своих тел** восходят первыми к этой полноте единения с Божеством Сына.

Отсюда становится понятным, почему святые Отцы, говоря о Евхаристии, часто взаимозаменяют слова «Тело» и «хлеб», «Кровь» и «вино». «*Как то тело, – пишет св. Иоанн Златоуст, – было соединено со Христом, так и мы соединяемся с Ним через этот хлеб*»²⁰. Преп. Иоанн Дамаскин утверждает как непреложную истину: «*Ибо так как мы причащаемся от единого хлеба, то все делаемся единым телом Христовым и единою кровью, и членами друг друга, будучи составляющими одно тело со Христом*»²¹.) Ибо хлеб и вино Евхаристии являются истинными Телом и Кровью Христовыми не по причине замены их сущности и превращения в натуральное тело, лишь чудесно скрываемое от наших пяти чувств, а в силу их одной и той же причастности Богу Слову. Иоанн Дамаскин так и писал: «*Причащением же называется потому, что через него мы причащаемся Божества Иисуса*»²²; «... *чрез них [хлеб и вино] мы делаемся участниками Божества Христова*»²³ - Божества, а не сущности **Тела** Христова, поскольку сущность Тела, как сказано Афанасием Великим, – «*общая со всеми телами*».

Как видим, православным термином «metabol» -преложение» выражается, прежде всего, тайна такого **духовного** изменения Даров, когда призыванием Святого Духа они становятся **одно** с Телом Христовым, **не изменяя** сущности своего естества (не *пресушествляясь*), **но приобретая** все богоспасительные свойства Его Тела, и **потому** являются тем истинным Телом и истинной Кровью Господа нашего Иисуса Христа, которые соединяют причащающегося с Богом Словом воплощенным.

Таким образом, святоотеческое учение о предложении святых Даров совершенно иное по сравнению с чисто рассудочной католической идеей *пресущствления*, сводящей Евхаристию к какому-то действию превращения одной материальной сущности в другую.

Но учение о предложении отлично и от протестантских воззрений на Евхаристию, которая понимается или как *воспоминание* о Тайной Вечере, или как *присутствие* Христа в Дарах *лишь* во время причащения - *impanatio*. В обоих случаях хлеб и вино остаются лишенными главного – их нераздельного и неразлучного единения с Божеством Христа, благодаря которому *только* Евхаристические Дары и становятся истинным Телом и Кровью Христовыми.

²⁰ Свт. Иоанн Златоуст. Гомилия 24 на Послание к Коринфянам. СПб, 1898-1904. Т. 8. С. 237.

²¹ Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение Православной веры. Книга 4. Гл. 13. О святых и пречистых таинствах Господних. СПб., 1894. С. 225.

²² Иоанн Дамаскин, прп. О святых и пречистых таинствах Господних. //Точное изложение Православной веры. Книга 4. Гл. 13. СПб., 1894. С. 225.

²³ Там же. С. 226.